

Научная статья / Article

УДК 903.21'1(571.151)

[https://doi.org/10.14258/tpai\(2022\)34\(1\).-06](https://doi.org/10.14258/tpai(2022)34(1).-06)

ОРУДИЯ ТРУДА ИЗ ОБЪЕКТОВ СЯНЬБИЙСКОГО ВРЕМЕНИ КОМПЛЕКСА КАРБАН-I (СЕВЕРНЫЙ АЛТАЙ)

Николай Николаевич Серегин¹, Михаил Александрович Демин²,
Сергей Сергеевич Матренин³

¹Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;
nikolay-seregin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8051-7127>

²Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия;
mademin52@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0954-9297>

³Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;
Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия
matrenins@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7752-2470>

Резюме. В статье представлены результаты изучения орудий труда, обнаруженных в погребениях булан-кобинской культуры некрополя Карбан-I. Исследования на данном памятнике, расположенном в Чемальском районе Республики Алтай, проведены экспедицией Барнаульско-го педагогического института (ныне Алтайский государственный педагогический университет) в 1989–1990 гг. Источниковую базу работы составили вещественные материалы из восьми непогребенных погребений взрослых людей (курганы №9, 11, 14, 25, 27, 30, 33, 39). Они представлены четырьмя ножами, пятью шильями, двумя рукоятями плетей, одним теслом, одним оселком. Авторами проанализированы общие, особенные и единичные морфологические признаки данных предметов для определения их относительной хронологии с учетом датированных аналогий из других некрополей булан-кобинской культуры, а также археологических памятников Центральной и Северной Азии последней четверти I тыс. до н. э. — I-й половины I тыс. н. э. Установлено, что большинство зафиксированных орудий труда имеют начальный период бытования у населения Алтая не ранее II в. н. э. Выявлена значительная стандартизация расположения в могилах ножей и шильев, практически во всех случаях находившихся у правого бедра умершего человека. Результаты исследования вещественных материалов из раскопок некрополя Карбан-I позволяют сделать вывод о том, что все обнаруженные категории орудий труда являлись атрибутом сопроводительного инвентаря мужчин.

Ключевые слова: Алтай, булан-кобинская культура, орудия труда, погребение, сяньбийское время, хронология

Благодарности: работа выполнена при финансовой поддержке РФФ (проект №20-18-00179 «Миграции и процессы этнокультурного взаимодействия как факторы формирования полиэтничных социумов на территории Большого Алтая в древности и средневековье: междисциплинарный анализ археологических и антропологических материалов»).

Для цитирования: Серегин Н. Н., Демин М. А., Матренин С. С. Орудия труда из объектов сяньбийского времени комплекса Карбан-I (Северный Алтай) // Теория и практика археологических исследований. 2022. Т. 34, №1. С. 109–124. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2022\)34\(1\).-06](https://doi.org/10.14258/tpai(2022)34(1).-06).

TOOLS FROM THE OBJECTS OF THE XIANBEI PERIOD OF THE KARBAN-I COMPLEX (NORTH ALTAI)

Nikolai N. Seregin¹, Mikhail A. Demin², Sergey S. Matrenin³

¹Altai State University, Barnaul, Russia;

nikolay-seregin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8051-7127>

²Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia;

mademin52@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0954-9297>

³Altai State University, Barnaul, Russia;

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia;

matrenins@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7752-2470>

Abstract. The article presents the analysis of the tools found in the burials of the Bulan-Koby culture of the Karban-I necropolis. Research on this site, located in the Chermal region of the Altai Republic, was carried out by an expedition of the Barnaul Pedagogical Institute (now Altai State Pedagogical University) in 1989–1990. The source base of the work is composed of the materials from eight undisturbed burials of adults (mounds No. 9, 11, 14, 25, 27, 30, 33, 39). They are represented by four knives, five awls, two whip handles, one adze, one oselok. The authors analyzed the general, special and individual morphological signs of these objects to determine their relative chronology, taking into account dated analogies from other necropolises of the Bulan-Koby culture, as well as archaeological sites of Central and North Asia of the last quarter of the 1st millennium BC — the first half of the 1st millennium AD. It has been established that most of the recorded tools have an initial period of existence among the population of Altai no earlier than the 2nd century AD. A significant standardization of the location of knives and awls in the graves, in almost all cases at the right thigh of a deceased person, was revealed. The results of the study of materials from the excavations of the Karban-I necropolis allow us to conclude that all the categories of tools discovered were an attribute of the accompanying equipment of men.

Key words: Altai, Bulan-Koby culture, tools, burial, Xianbei period, chronology

Acknowledgments: the work was carried out with financial support from the Russian Science Foundation (project No. 20-18-00179 “Migrations and Processes of Ethnocultural Interaction as Factors in the Formation of Multi-Ethnic Societies in the Territory of the Big Altai in Antiquity and the Middle Ages: an Interdisciplinary Analysis of Archaeological and Anthropological Materials”).

For citation: Seregin N. N., Demin M. A., Matrenin S. S. Tools from the Objects of the Xianbei Period of the Karban-I Complex (North Altai). *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2022;34(1):109–124. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2022\)34\(1\)-06](https://doi.org/10.14258/tpai(2022)34(1)-06).

Введение

Ключевым элементом систем жизнеобеспечения обществ древности и Средневековья выступали орудия труда, представленные изделиями полифункционального и специализированного назначения. В отличие от многих других категорий материальной культуры эти артефакты являлись наиболее консервативными и не претерпевали значительных изменений на протяжении длительного времени, что обусловлено оптимальностью и простотой их конструкции и формы.

Комплексное изучение орудий труда представляет собой один из важных аспектов реконструкции системы жизнеобеспечения населения Алтая последней четверти I тыс. до н. э. — I-й половины I тыс. н. э. Основной проблемой осуществления изыска-

ний в данном направлении является то, что большая часть таких изделий изготовлена из железа и дерева, вследствие чего предметы подвержены сильному разрушению либо утрате морфологических признаков, существенных для определения их функционального назначения. Кроме того, по-прежнему актуальной остается проблема недостатка полноценно введенных в научный оборот археологических материалов из давно раскопанных памятников региона эпохи Великого переселения народов. Поэтому, несмотря на имеющийся опыт исследования орудийного комплекса кочевников булан-кобинской культуры Алтая (Константинова, 2014; Соенов, Константинова, 2013, 2014, 2015; Тишкин, Мыльников, 2016; Тишкин, Матренин, 2018; Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018, с. 119–133; Серегин и др., 2021а–б; и др.) многие вопросы требуют дальнейшего детального рассмотрения.

В данном контексте значительную источниковедческую ценность представляют результаты анализа общих, особенных и единичных признаков некоторых категорий орудий труда, зафиксированных в процессе раскопок некрополя булан-кобинской культуры на погребально-поминальном комплексе Карбан-I в Северном Алтае.

Характеристика источников

Памятник Карбан-I расположен на территории Чемальского района Республики Алтай, в 1,7 км к северо-западу от с. Куус, на левом берегу р. Катунь (рис. 1). В 1989–1990 гг. на данном разновременном погребально-поминальном комплексе экспедицией Барнаульского педагогического института (ныне Алтайский государственный педагогический университет) под руководством М.А. Демина вскрыта серия захоронений бело-бомского этапа (II — 1-я половина IV в. н.э.) булан-кобинской культуры (Контев, 1991; Серегин, Демин, Матренин, 2021). В настоящее время осуществляется подготовка материалов памятника к монографическому изданию.

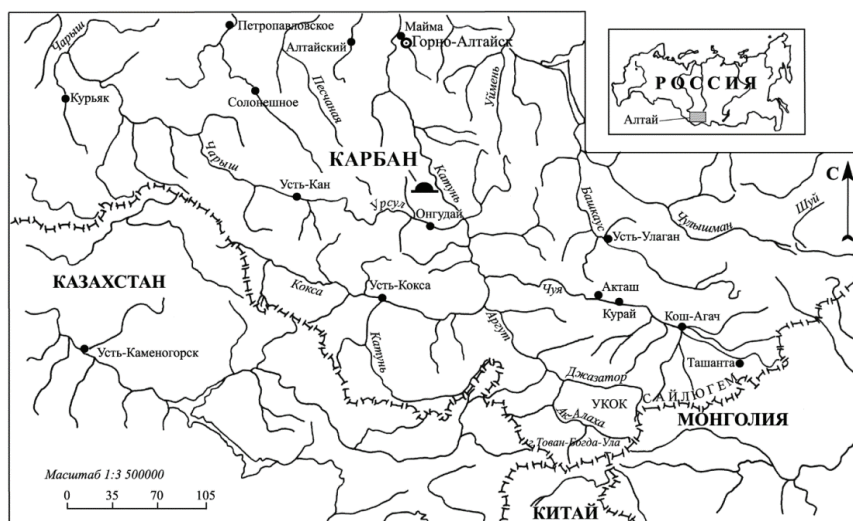

Рис. 1. Расположение погребально-поминального комплекса Карбан-I

Fig. 1. Location of the Karban-I burial and memorial complex

В восьми погребениях, содержащих непогрешенные останки взрослых людей, идентифицированы орудия труда разного функционального назначения.

Курган №9. У правого бедра умершего мужчины найдены железные нож и шило. Нож (рис. 2.-1) имеет треугольный в сечении клинок (длина 10,5 см, максимальная ширина 1,8 см) с выгнутой спинкой (ширина 0,15–0,25 см) и прямым лезвием с одним плечиком-уступом и обломанный наклонный черен для закрепления деревянной рукояти. Шило (рис. 2.-5) представляет собой заостренный стержень длиной 6,3 см. Длина рабочей части с квадратным поперечным сечением (размеры 0,3–0,4 см) — 4 см. В месте фиксации деревянной рукояти изделие имеет овальное сечение.

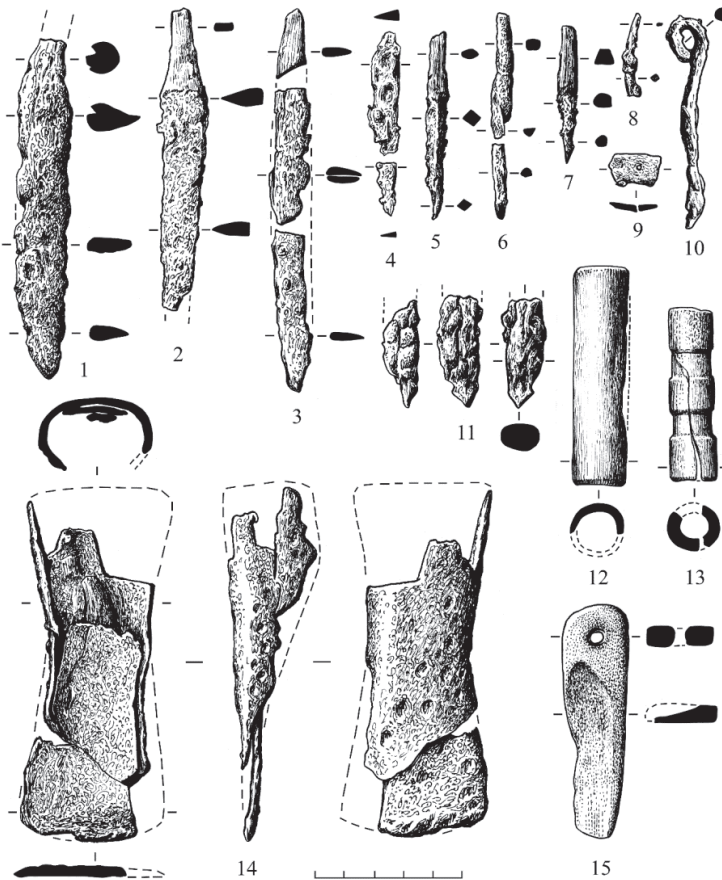

Рис. 2. Орудия труда из объектов некрополя Карбан-I: 1, 5 – курган №9; 2, 7 – курган №14; 3, 14 – курган №39; 4, 8 – курган №30; 6 – курган №11; 9–10, 13 – курган №33; 11 – курган №25; 12 – курган №27. 1–11, 14 – железо; 12–13 – кость; 15 – камень
 Fig. 2. Tools from the objects of the Karban-I necropolis: 1, 5 – mound No. 9; 2, 7 – mound No. 14; 3, 14 – mound No. 39; 4, 8 – mound No. 30; 6 – mound No. 11; 9–10, 13 – mound No. 33; 11 – barrow No. 25; 12 – barrow No. 27.
 1–11, 14 – iron; 12–13 – bone; 15 – stone

Курган №11. В захоронении молодого человека у правой бедренной кости обнаружено железное шило в виде стержня длиной 7 см (рис. 2.-6). Рабочая часть изделия имеет трехгранное поперечное сечение (максимальная ширина 0,3 см) и составляет в длину 5 см. Несущая часть предмета выделена покатыми плечиками-уступами и отличается подквадратным сечением. На ней прослежен тлен от деревянной рукояти.

Курган №14. В сопроводительном инвентаре умершего мужчины зафиксированы железные нож и шило, которые лежали у правого бедра, под роговыми срединными накладками на лук. Нож (рис. 2.-2) с прямым череном для рукояти снабжен треугольным в сечении клинком со слегка выгнутой спинкой (толщина 0,3–0,5 см) и прямым лезвием. Длина сохранившегося изделия — 10,5 см, из которых 7,5 см приходится на режущее полотно. Шило (рис. 2.-7) представляет собой заостренный стержень длиной 4,7 см, имеющий многогранную в сечении рабочую часть (ширина от 0,3 до 0,5 см) длиной 2,3 см. Несущая часть орудия со следами древесного тлена от рукояти выделяется трапециевидным поперечным сечением.

Курган №25. В погребении взрослого человека около его левого бедра расчищен небольшой по размерам (3,8×1,3 см) обломок железного предмета с овальным поперечным сечением (рис. 2.-11). Зафиксированный фрагмент мог являться частью какого-то орудия.

Курган №27. Из захоронения мужчины происходят рукоять плети и оселок, обнаруженные около левого крыла таза, рядом с железными деталями наборного пояса. Рукоять плети (рис. 2.-12) выполнена из фрагмента трубчатой кости длиной 7,5 см, диаметром 1,8 см. Оселок (рис. 2.-15) представляет собой каменное изделие в виде прямоугольника со скругленными углами. Размеры находки: длина 7,5 см, ширина 2,2 см, толщина 0,6 см. На одном из концов предмета проделано небольшое (0,5 см в диаметре) отверстие для продевания ремешка. Судя по его расположению в могиле *in situ*, оселок подвешивался к кольцу поясной бляхи.

Курган №30. У левого крыла таза взрослого человека находились обломки железных орудий. От ножа сохранился короткий (4 см) клинок с прямой спинкой и треугольным поперечным сечением (рис. 2.-4). Шило представлено фрагментом стержня длиной 2,8 см с разным сечением: подквадратным у рабочей и прямоугельно-овальным у несущей части (рис. 2.-8).

Курган №33. С внешней стороны правой бедренной кости мужчины зафиксированы костяная рукоять плети в виде трубочки с рельефным корпусом длиной 5,8 см, диаметром 1,7 см (рис. 2.-13), а также железное шило в виде слегка изогнутого стержня длиной 7 см с овальным поперечным сечением, имеющего на одном конце кольцо-петлю (рис. 2.-10). Под железным предметом обнаружена четырехугольная железная бляха из прямой пластины (размеры 1,7×1 см) с шпеньковым креплением (рис. 2.-9). Данное изделие могло являться декоративным элементом футляра, предназначенного для хранения шила.

Курган №39. В мужском погребении обнаружены железные орудия труда. Вдоль правого бедра умершего человека лежал железный нож с коротким (около 10 см) односторонним клинком со слегка выгнутой спинкой и треугольным поперечным сечением (рис. 2.-3). Между правым предплечьем и правым крылом таза зафиксирована

но тесло (рис. 2.-14). Почти половина его длины (9,7 см) приходится на несомкнутую втулку (размеры 3,8×2,6 см) для деревянной рукояти, расположенной в одной плоскости с топорищем. Втулка плавно переходит в лезвие шириной 4 см с расширяющимся дуговидным краем.

Сохранность представленных материалов позволяет провести анализ морфологических особенностей большинства обнаруженных изделий и осуществить их хронологическую интерпретацию с привлечением аналогий из некрополей булан-кобинской культуры Алтая, а также археологических комплексов Центральной и Северной Азии последней четверти I тыс. до н. э. — I-й половины I тыс. н. э.

Анализ и интерпретация материалов

Для анализа привлекались орудия труда разного функционального назначения, представленные целыми и фрагментированными предметами.

Ножи выступают незаменимым универсальным орудием труда и бытовым предметом во все хронологические периоды. В публикуемом собрании данная группа изделий включает четыре железных экземпляра удовлетворительной и плохой сохранности из курганов №9, 14, 30, 39. В трех из четырех случаев ножи находились у правого бедра умершего человека и только однажды — на левой половине тазовых костей погребенного (курган №30). Все рассматриваемые изделия имели короткий (менее 11 см) клинок со слегка выгнутой или прямой спинкой (шириной не более 0,5 см), который в поперечном сечении напоминал треугольник с узким основанием. В отношении трех образцов можно определенно утверждать, что ножи были как с прямым (рис. 2.-2-3), так и с наклоненным в сторону лезвия (рис. 2.-1) череном для крепления отдельно изготовленной деревянной рукояти, без перекрестия и наворачия.

На территории Центральной Азии подобные изделия впервые фиксируются у хунну и массово встречены в археологических комплексах Монголии и Забайкалья II в. до н. э. — I в. н. э. (Коновалов, 1976, табл. XVI.-3, 8-9; Могильников, 1992, табл. 107.-1-2, 43-44; Давыдова, 1995, табл. 56.-1; 91.-7; 1996, табл. 5.-18; 8.-5; 23.-3; 27.-7; 33.-3; Төрбат, Амартүвшин, Эрдэнэбат, 2003, т. 209, зур. 7; т. 235, зур. 2; т. 246, зур. 1; Хүүннүгийн Өв, 2011, р. 243, fig. 370; и др.). Под влиянием хуннуской культуры ножи данной конструкции достаточно рано (II-I вв. до н. э.) появились у носителей тесинской культуры Среднего Енисея (Пшеницина, 1979, табл. VII.-18, 21; Савинов, 2009, рис. 7.-7-8, XXIV.-14, LV.-4). В Туве такие предметы получили широкое распространение со II в. н. э. (Вайнштейн, Дьяконова, 1966, табл. VIII.-1-3, 7, 9-12, 16, 18; Вайнштейн, 1970, рис. 14.-1; 17.-2; 21.-2; 25.-3; 29.-1-3; Дьяконова, 1970, табл. IX.-5, 19, 27; Кызласов, 1979, рис. 22.-3, 7; Мандельштам, Стамбульник, 1992, табл. 81.-50, 67; Памятники кокэльской культуры Тувы, 2010, с. 60). У населения булан-кобинской культуры Алтая аналогичные ножи характеризуют предметный комплекс, представленный материалами из погребений II-V вв. н. э. (Кубарев, Киреев, Черемисин, 1990, рис. 37.-19; 40.-10; 44.-12-13; Мамадаков, 1990, рис. 85.-12-15; Соенов, Константинова, 2015, с. 20-21, рис. 5; Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018, с. 126, табл. 36-37; Серегин и др., 2021а, рис. 1).

Шилья относятся к универсальным орудиям колюще-проворачивающего действия, применяющимся особенно широко в кожевенном производстве. В материалах некрополя Карбан-I они представлены пятью находками из мужских захоронений (курганы №9, 11,

14, 30, 33). В четырех случаях данные предметы были размещены у правого бедра умершего человека. Исключением является экземпляр из кургана №30, обнаруженный на левом крыле таза погребенного. Четыре зафиксированных изделия представляют собой заостренный с одного конца железный стержень, имеющий квадратное, реже многогранное поперечное сечение рабочей части (рис. 2.-5–8). Все они, по-видимому, были снабжены отдельно изготовленной деревянной рукоятью, от которой сохранились следы тлена. Аналогии данным шильям зафиксированы на Алтае в погребениях сяньбийского (Айрыдаш-I, Белый-Бом-II, Булан-Кобы-IV, Уймон, Степушка, Улуг-Чолтух-I) и жужанского (Верх-Уймон, Степушка, Усть-Бийке-III, Чобурак-I, Яломан-II) времени (Тишкин, Горбунов, 2005, рис. 21.-6; Соенов, Константинова, 2015, рис. 4; Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018, табл. 38.-4, 6–7; Серегин и др., 2021a, рис. 2.-2, 4–5). В известных нам комплексах булан-кобинской культуры обнаружены не менее 20 таких изделий. При этом все они входили в состав погребального инвентаря мужчин (Серегин, Матренин, 2020, с. 36). Единственное железное шило с овальным сечением слабо изогнутого стержня было снабжено рукоятью в виде кольца-петли (рис. 2.-10). Похожие образцы происходят из захоронений булан-кобинской культуры III — 1-й половины IV в. н.э. (Айрыдаш-I) и 2-й половины IV — 1-й половины V в. н.э. (Чобурак-I) (Серегин и др., 2021a, рис. 2.-7).

Плети из могильника Карбан-I представлены двумя хорошо сохранившимися костяными рукоятями-трубочками. В погребениях они были расположены по-разному: около левого крыла таза умершего человека, рядом с железными деталями наборного пояса (курган №27); с внешней стороны правой бедренной кости погребенного (курган №33). В Центральной Азии плети с костяными рукоятями достаточно широко использовали хунну во II в. до н.э. — I в. н.э. (Давыдова, 1995, табл. 106.-3; 121.-12; 122.-14; 140.-13; 1996, табл. 13.-13; 41.-20; 58.-10; Миняев, 1998, табл. 7.-31; 39.-1; 102.-2; 108.-16; и др.). Такие предметы известны у населения Минусинской котловины в I в. до н.э. — III в. н.э. (Тетерин, 2016, с. 90–91). На территории Тувы ранние находки костяных трубочек датируются I в. до н.э. — I в. н.э. (неопубликованные материалы раскопок А. М. Мандельштама на могильнике Бай-Даг-II¹). На Алтае такие рукояти плетей в виде узких (до 2 см) и округлых в поперечном сечении цилиндров без декоративного оформления (рис. 2.-12) встречаются в погребениях II–V вв. н.э. (Гаврилова, 1965, рис. 5.-2; Мамадаков, 1990, рис. 16.-12, 46.-15; Соенов, Эбель, 1992, рис. 32.-3, 42.-14; Могильников, Суразаков, 2003, рис. 29.-2; Тишкин, Горбунов, 2005, рис. 21.-2; Кирюшин, Тишкин, Матренин, 2014, рис. 6.-21–22; Тетерин, 2016, рис. 2.-2–4). Костяная трубочка-рукоять с несколькими рельефными резными валиками (рис. 2.-13) обнаруживает точные аналогии в материалах некрополя Кокэль на территории Тувы (конец III — IV в. н.э.) (Дьяконова, 1970, табл. XIII; Тетерин, 2016, рис. 1.-1, 3–9, 17). Похожие экземпляры происходят из погребений булан-кобинской культуры Алтая 2-й половины III — 1-й половины IV в. н.э. (Айрыдаш-I, Белый-Бом-II, Булан-Кобы-IV, Степушка) (Мамадаков, 1990, рис. 19.-7; 28.-19; 29.-4, 8; 34.-16; 53.-3; Суразаков, 2002, с. 180; Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018, табл. 39.-1–2).

¹ Выражаем благодарность сотрудникам Государственного Эрмитажа Н.Н. Николаеву и К.В. Чугуну за возможность ознакомления с отчетной документацией.

Тесла могут быть отнесены к довольно узко специализированным инструментам, связанным с деревообработкой, хотя вполне понятно, что возможности их использования несколько шире (Нестеров, 1981, с. 171–172). В Северной Азии наиболее ранние подобные предметы происходят из памятников Среднего Приобья рубежа эр (Чиндина, 1984, с. 28, рис. 26.-8). Морфологически ранний железный топор-тесло обнаружен в Минусинской котловине в Большом Тесинском кургане (данное изделие не представлено в инвентаре склепа) (Кузьмин, 2011, с. 206). В эволюционном отношении такие орудия пришли на смену железным кельтам-топорам с замкнутой широкой втулкой и коротким лезвием, а также тесловидным орудиям III в. до н.э. — I в. н.э. (Троицкая, 1979, с. 11–12; Кунгурова, Оборин, 2013, с. 133, рис. 10.-1; 11.-2).

Важно отметить, что тесла населения булан-кобинской культуры Алтая не имели местных прототипов в орудийном комплексе кочевников предшествующего периода (скифо-сакского времени). Вероятно, начальную дату появления таких предметов в обозначенном регионе маркируют датированные находки аналогичных по конструкции и форме изделий из археологических памятников Верхнего Приобья, предгорий Кузнецкого Алатау и Алтая, относящихся к периоду не ранее II в. н.э. (Грязнов, 1956, табл. LII.-17; Ширин, 2003, табл. XLIX.-3; LI.-2; LXII.-26; XCV.-19; Кунгурова, Абдулганеев, 2019, рис. 70.-1). Известные в объектах булан-кобинской культуры тесла происходят из комплексов конца III — V в. н.э.: Белый-Бом-II (курган №25, погребение 2), Верх-Уймон, курганы №33, 37, 38; Степушка (курганы №13, 19), Яломан-II (курганы №31, 32) (Мамадаков, 1990, рис. 52.-4; Соенов, Константинова, 2013, рис. 1.-1–3; Соенов, 2017, с. 121, 125, рис. 10.-1; Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018, с. 151, 153, табл. 38.-1–2). Публикуемая находка свидетельствует о более раннем распространении таких орудий у племен Алтая, по-видимому, во II — начале III в. н.э. Подчеркнем, что материалы некрополя Карбан-I подтверждают наблюдение о том, что тесла происходят из погребений мужчин с многочисленным и разнообразным сопроводительным инвентарем, демонстрирующим достаточно высокий статус их владельцев при жизни (Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018, с. 128; Серегин, Матренин, 2020, с. 115–116).

Оселок в публикуемой коллекции представлен небольшим по размеру точильным бруском из камня, найденным в кургане №27 рядом с наборным поясом на левом крыле таза. В известных нам захоронениях булан-кобинской культуры Алтая идентифицированы всего пять подобных изделий из объектов сяньбийского (Курайка, курган №48; Кызыл, курган №1, впускное погребение 3; Улита, погребение 11) и жужанского (Кок-Паш, курган №13; Усть-Бийке-III, курган №4) времени (Соенов, Эбель, 1998, с. 115; Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 6.-25; Кочеев, Суразаков, 2003, с. 71; Тишкин, Горбунов, 2005, рис. 21.-1).

Заключение

Полученная в процессе раскопок некрополя сяньбийского времени Карбан-I коллекция орудий труда включает как широко встречающиеся (ножи, плети), так и достаточно редкие (тесло, шилья, оселок) изделия. Анализ общих, особенных и единичных морфологических признаков данных предметов с учетом аналогий из археологических памятников Центральной и Северной Азии, а также известных вещественных материалов, зафиксированных в других комплексах булан-кобинской культуры, по-

зволяет сделать вывод о том, что у населения Алтая они имели широкий период бытования в рамках II–V в. н.э.

Установлена значительная «стандартизация» расположения бытовых ножей у правого бедра умершего человека. Для сравнения следует отметить, что найденные при раскопках некрополя Карбан-I кинжал (курган №9) и длинлезвийные боевые ножи (курганы №11, 33, 39) во всех случаях были обнаружены у левого бедра погребенного. Показательно, что ни разу не зафиксировано расположение железного ножа в области головы рядом с ритуальной мясной пищей, что отражает одну из особенностей обрядовой практики многих локальных групп «булан-кобинцев», проживавших на территории Северного Алтая в первой половине I тыс. н.э. (Серегин, Матренин, 2016, с. 68–69). Изученные материалы подтверждают, что у населения рассматриваемого региона коротколезвийные ножи с прямой и наклонной рукоятью были распространены во II–V вв. н.э.

Железные шилья располагались в погребениях некрополя Карбан-I почти всегда у правого бедра умершего человека, часто рядом с ножами, по-видимому, в специальных футлярах, от одного из которых сохранилась железная бляха-накладка. Эти универсальные орудия колюще-проворачивающего действия выступали консервативной категорией материальной культуры населения Алтая II–V вв. н.э., не несущей информации для определения относительной хронологии объектов. При этом следует отметить, что шилья пока не обнаружены на Алтае в многочисленных захоронениях хуннского периода (II в. до н.э. — I в. н.э.). Достаточно редким является экземпляр с кольчатой навершием рукояти, имеющий аналогии в булан-кобинских комплексах III — I-й половины V в. н.э.

Железное тесло с широкой несомкнутой втулкой и узким коротким лезвием относится к типологически ранним образцам I–III вв. н.э. Проанализированные детали плетей, представленные двумя костяными рукоятями-трубочками, имеют широкий круг аналогий в памятниках Алтая II–V вв. н.э. Вопрос о времени появления у населения региона изделий с гладким корпусом остается пока открытым. В свою очередь, находка в кургане №33 рукояти, декорированной резными валиками, свидетельствует о распространении таких предметов на Алтае в раннесяньбийское время (II — I-я половина III в. н.э.). Единственный каменный оселок относится к редким образцам предметов, встречающихся в погребениях булан-кобинской культуры II–V вв. н.э.

Результаты исследования вещественных материалов из раскопок некрополя Карбан-I позволяют сделать вывод о том, что все обнаруженные категории орудий труда являлись атрибутом сопроводительного инвентаря мужчин. При этом отдельные находки представляется возможным рассматривать как своего рода «социальные маркеры» предметного комплекса кочевников. Так, судя по имеющимся материалам, фиксация редких железных тесел в погребениях демонстрирует развитые навыки плотницкого дела у отдельных индивидов, имевших при жизни довольно высокий статус в конкретных коллективах.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Бобров В. В., Васютин А. С., Васютин С. А. Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов (III–VII века). Новосибирск : ИАЭТ СО РАН, 2003. 224 с.

Вайнштейн С. И. Раскопки могильника Кокэль в 1962 г. (погребения кызылганской и сыын-чурекской культур) // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. III: Материалы по археологии и антропологии могильника Кокэль. Л. : Наука, 1970. С. 7–79.

Вайнштейн С. И., Дьяконова В. П. Памятники в могильнике Кокэль конца I тысячелетия до нашей эры — первых веков нашей эры // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. II. М. ; Л. : Наука, 1966. С. 185–291.

Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М. ; Л. : Наука, 1965. 146 с.

Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1956. 162 с.

Давыдова А. В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 1: Иволгинское городище. СПб. : АзиатИКА, 1995. 287 с.

Давыдова А. В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 2: Иволгинский могильник. СПб. : Петербургское востоковедение, 1996. 176 с.

Дьяконова В. П. Большие курганы-кладбища на могильнике Кокэль (по результатам раскопок за 1963, 1965 гг.) // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. III: Материалы по археологии и антропологии могильника Кокэль. Л. : Наука, 1970. С. 80–209.

Кирюшин Ю. Ф., Тишкин А. А., Матренин С. С. Материалы сянбийского времени погребально-поминального комплекса Тыткескень-VI на Алтае // Теория и практика археологических исследований. 2014. №2 (10). С. 5–24.

Коновалов П. Б. Хунну в Забайкалье (погребальные памятники). Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1976. 221 с.

Константинова Е. А. Ремесленные производства населения Горного Алтая гунно-сарматского времени : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2014. 23 с.

Контев А. В. Раскопки позднегуннских погребений урочища Карбан (Горный Алтай) // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока. Т. 2. Красноярск : Изд-во Красноярского гос. пед. ин-та, 1991. С. 54–55.

Кочеев В. А., Суразаков А. С. Археологические исследования в бассейне р. Коир // Древности Алтая. Горно-Алтайск : ГАГУ, 2003. №10. С. 70–83.

Кубарев В. Д., Киреев С. М., Черемисин Д. В. Курганы урочища Бике // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск : Наука, 1990. С. 43–95.

Кузьмин Н. Ю. Погребальные памятники хунно-сянбийского времени в степях Среднего Енисея: тесинская культура. СПб. : Айсинг, 2011. 456 с.

Кунгурова Н. Ю., Абдулганеев М. Т. Майминская культура. По материалам поселений Салаира и Предалтайской равнины 1-й пол. I тыс. н.э. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2019. 214 с.

Кунгурова Н. Ю., Оборин Ю. В. Клад, обнаруженный на р. Уйбат (Минусинская котловина) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. №2. С. 126–136.

Кызласов Л. Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М. : Изд-во Моск. ун-та, 1979. 207 с.

Мамадаков Ю. Т. Культура населения Центрального Алтая в первой половине I тыс. н.э. : дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск : ИАЭТ СО РАН, 1990. 317 с.

Мандельштам А. М., Стамбульник Э. У. Гунно-сарматский период на территории Тувы // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М. : Наука, 1992. С. 196–205.

Миняев С. С. Дырестуйский могильник. СПб. : АзиатИКА, 1998. 233 с.

Могильников В. А. Хунну Забайкалья // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М. : Наука, 1992. С. 254–273.

Могильников В. А., Суразаков А. С. Раскопки памятников Ябоган-III // Археология и этнография Алтая. Вып. 1. Горно-Алтайск : Ин-т алтаистики им. С. С. Суразакова, 2003. С. 26–63.

Нестеров С. П. Тесла древнетюркского времени в Южной Сибири // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск : Наука, 1981. С. 168–172.

Памятники кокзельской культуры Тувы : материалы и исследования. СПб. : Элик-Сис, 2010. 252 с.

Пшеницына М. Н. Тесинский этап // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск : Наука, 1979. С. 70–89.

Савинов Д. Г. Минусинская провинция хунну (по материалам археологических исследований 1984–1989 гг.). СПб. : ИИМК РАН, 2009. 226 с.

Серегин Н. Н., Демин Д. А., Матренин С. С. Объекты сяньбийского времени комплекса Карбан-I (Северный Алтай) // Народы и религии Евразии. 2021. №2 (27). С. 81–91.

Серегин Н. Н., Матренин С. С. Погребальный обряд кочевников Алтая во II в. до н.э. — XI в. н.э. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2016. 272 с.

Серегин Н. Н., Матренин С. С. Социальная история населения Алтая в эпоху кочевых империй (II в. до н.э. — XIV в. н.э.): по материалам археологических комплексов. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2020. 268 с.

Серегин Н. Н., Тишкин А. А., Матренин С. С., Паршикова Т. С. Коллекция железных орудий труда из погребений жужанского времени комплекса Чобурак-I // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXVII. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2021а. С. 287–295.

Серегин Н. Н., Тишкин А. А., Матренин С. С., Паршикова Т. С. Пряслица из некрополя жужанского времени комплекса Чобурак-I (Северный Алтай) // Народы и религии Евразии. 2021б. №2. С. 69–80.

Соенов В. И. Нарушенное воинское погребение на могильнике Верх-Уймон // Древности Сибири и Центральной Азии. №8. Горно-Алтайск : ГАГУ, 2017. С. 117–142.

Соенов В. И., Константинова Е. А. Деревообрабатывающие инструменты из могильника Верх-Уймон (Алтай) // Теория и практика археологических исследований. 2013. №2. С. 42–57.

Соенов В. И., Константинова Е. А. Железные стамески гунно-сарматского времени из могильника Верх-Уймон (Алтай) // Вестник Тюменского государственного университета. 2014. №2. С. 13–18.

Соенов В. И., Константинова Е. А. Ремесленные производства населения Алтая (II в. до н.э. — V в. н.э.). Горно-Алтайск : ГАГУ, 2015. 248 с.

Соенов В. И., Эбель А. В. Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катунь. Горно-Алтайск : ГАГПИ, 1992. 116 с.

Соенов В. И., Эбель А. В. Исследования на могильнике Курайка // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск : ГАГУ, 1998. №3. С. 113–135.

Суразаков А. С. Горный Алтай в конце I тыс. до н. э. — первой половине I тыс. н. э. // История Республики Алтай. Горно-Алтайск : Б.и., 2002. С. 177–184.

Тетерин Ю. В. Рукояти плетей кочевников хуннского времени Южной Сибири // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2016. Т. 15. №3. С. 87–96.

Тишкин А. А., Горбунов В. В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. 200 с.

Тишкин А. А., Матренин С. С. Орудия труда как элементы системы жизнеобеспечения населения Алтая в сянбийско-жужанское время (по материалам памятника Степушка-I) // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2018. Вып. 2. С. 237–244.

Тишкин А. А., Матренин С. С., Шмидт А. В. Алтай в сянбийско-жужанское время (по материалам памятника Степушка). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2018. 368 с.

Тишкин А. А., Мыльников В. П. Деревообработка на Алтае во II в. до н. э. — V в. н. э. (по материалам памятников Яломан-II и Бош-Туу-I). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2016. 192 с.

Төрбат Ц., Амартүвшин Ч., Эрдэнэбат У. Эгийн голын сав археологийн дурсгалууд (хүрлийн үеэс моголын үе). Улаанбаатар : Улсын багшийн их сургууль Монголын түүхийн тэнхим, 2003. 295 т. (на монг. яз.).

Троицкая Т. Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск : Наука, 1979. 124 с.

Хүүннүгийн Өв. Нүүдэлчдийн анхны төр-Хүннү Гүрний соёл. Улаанбаатар : ШУА-ийн Археологийн Хүрээлэн, 2011. 296 т. (на монг., англ. яз.).

Чиндина Л. А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Кулайская культура. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1984. 256 с.

Ширин Ю. В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тыс. н. э. (погребальные памятники фоминской культуры). Новокузнецк : Кузнецкая крепость, 2003. 288 с.

REFERENCE

Bobrov V. V., Vasyutin A. S., Vasyutin S. A. Eastern Altai in the Great Migration period (the 3rd – 7th centuries). Novosibirsk : IAET SO RAN, 2003. 224 p. (*In Russ.*)

Vainshtein S. I. Excavations of the Kokel Burial Ground in 1962 (burials of the Kyzylgan and Syyn-Churek cultures). In: Proceedings of the Tuva Complex Archaeological and Ethnographic Expedition. Vol. III: Materials on Archaeology and Anthropology of the Kokel Burial Ground. Leningrad : Nauka, 1970. Pp. 7–79. (*In Russ.*)

Weinstein S. I., Dyakonova V. P. Monuments in the Kokel Burial Ground at the End of the 1st Millennium BC — the 1st Centuries of Our Era. In: Proceedings of the Tuva Complex Archaeological and Ethnographic Expedition. Vol. II. Moscow ; Leningrad : Nauka, 1966. Pp. 185–291. (*In Russ.*)

Gavrilova A. A. Kudyrge Burial Ground as a Source on the Gistory of the Altai Tribes. Moscow ; Leningrad : Nauka, 1965. 146 p. (*In Russ.*)

Gryaznov M. P. The History of the Ancient Tribes of the Upper Ob by Excavations near the Bolshaya Rechka Village. Moscow ; Leningrad : Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1956. 162 p. (*In Russ.*)

Davydova A. V. Ivolginsky Archaeological Complex. Vol. 1: Ivolginskoe settlement. Saint Petersburg : AsiatIKA, 1995. 287 p. (*In Russ.*)

Davydova A. V. Ivolginsky Archaeological Complex. Vol. 2: Ivolginsky Burial Ground. Saint Petersburg : Peterburgskoe vostokovedenie, 1996. 176 p. (*In Russ.*)

Dyakonova V. P. Large Burial Mounds-cemeteries at the Kokel Burial Ground (based on the results of excavations for 1963, 1965). In: Proceedings of the Tuva Complex Archaeological and Ethnographic Expedition. Vol. III: Materials on Archaeology and Anthropology of the Kokel Burial Ground. Leningrad : Nauka, 1970. Pp. 80–209. (*In Russ.*)

Kiryushin Yu. F., Tishkin A. A., Matrenin S. S. Materials of the Xianbei Time of the Tytkesken-VI Funeral Complex in Altai. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2014;2(10):5–24. (*In Russ.*)

Konovalov P. B. Xiangnu in Transbaikalia (burial sites). Ulan-Ude : Buryat. kn. izd-vo, 1976. 221 p. (*In Russ.*)

Konstantinova E. A. Handicraft Production of the Population of Gorny Altai of the Hunno-Sarmatian Time : Dis. ... Cand. Hist. Sciences. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2014. 23 p. (*In Russ.*)

Kontev A. V. Excavations of Late Hunnic Burials in the Karban Tract (Gorny Altai). In: Problems of Archaeology and Ethnography of Siberia and the Far East. Vol. 2. Krasnoyarsk : Izd-vo Krasnoyarskogo gos. ped. in-ta, 1991. Vol. 2. Pp. 54–55. (*In Russ.*)

Kocheev V. A., Surazakov A. S. Archaeological Research in the Koir River Basin In: Antiquities of Altai. Gorno-Altaysk : GAGU, 2003. No. 10. Pp. 70–83. (*In Russ.*)

Kubarev V. D., Kireev S. M., Cheremisin D. V. Burial Mounds of the Bike Tract. In: Archaeological Research on the Katun. Novosibirsk : Nauka, 1990. Pp. 43–95. (*In Russ.*)

Kuzmin N. Yu. Burial Sites of the Xiongnu-Xianbei period in the Steppes of the Middle Yenisei: Tesinskaya Culture. Saint Petersburg : Aising, 2011. 456 p. (*In Russ.*)

Kungurova N. Yu., Abdulganeyev M. T. Mayminskaya Culture. Based on Materials from the Settlements of Salair and the Pre-Altai Plain of 1st Half of the 1st Millennium AD. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2019. 214 p. (*In Russ.*)

Kungurova N. Yu., Oborin Yu. V. The Treasure Found on the r. Uybat (Minusinsk Basin). *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii = Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*. 2013;2:126–136. (*In Russ.*)

Kyzlasov L. R. Ancient Tuva (from the Paleolithic to the 9th century). Moscow : Izd-vo Mosk. un-ta, 1979. 207 p. (*In Russ.*)

Mamadakov Yu. T. The Culture of the Population of Central Altai in the First Half of the 1st Thousand AD : Dis. ... Cand. Hist. Sciences. Novosibirsk : IAET SO RAN, 1990. 317 p. (*In Russ.*)

Mandelstam A. M., Stambulnik E. U. Hunno-Sarmatian Period on the Territory of Tuva. In: Steppe Zone of the Asian Part of the USSR in the Scythian-Sarmatian Time. Moscow : Nauka, 1992. Pp. 196–205. (*In Russ.*)

Minyaev S. S. Dyrestuiskiy Burial Ground. Saint-Petersburg : AsiatIKA, 1998. 233 p. (*In Russ.*)

Mogilnikov V. A. Hunnu Transbaikalia. In: Steppe Zone of the Asian Part of the USSR in the Scythian-Sarmatian Time. Moscow : Nauka, 1992. Pp. 254–273. (*In Russ.*)

Mogilnikov V. A., Surazakov A. S. Excavation of the Yabogan-III Site. In: Archaeology and Ethnography of Altai. Issue. 1. Gorno-Altaysk : Institute of Altaistics Named after S.S. Surazakov, 2003. Pp. 26–63. (*In Russ.*)

Nesterov S. P. Tesla of the Ancient Turkic Time in Southern Siberia. In: Military Affairs of the Ancient Tribes of Siberia and Central Asia. Novosibirsk : Nauka, 1981. Pp. 168–172. (*In Russ.*)

Monuments of the Kokel Culture of Tuva : Materials and Research. Saint Petersburg : Elik-Sis, 2010. 252 p. (*In Russ.*)

Pshenitsyna M. N. Tesinsky Stage. In: A Complex of Archaeological Sites near Mount Tepsei on the Yenisei. Novosibirsk : Nauka, 1979. Pp. 70–89. (*In Russ.*)

Savinov D. G. Minusinsk Province of the Xiongnu (based on archaeological research materials 1984–1989). Saint Petersburg : IIMK RAN, 2009. 226 p. (*In Russ.*)

Seregin N. N., Demin D. A., Matrenin S. S. Objects of the Xianbei Time of the Karban-I Complex (Northern Altai). *Narody i religii Evrazii = Peoples and Religions of Eurasia*. 2021;2(27): 81–91. (*In Russ.*)

Seregin N. N., Matrenin S. S. Funeral Rite of Altai Nomads in the 2nd Century BC — 11th Century AD. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2016. 272 p. (*In Russ.*)

Seregin N. N., Matrenin S. S. Social History of the Altai Population in the Era of Nomadic Empires (the 2nd century BC — 14th century AD): based on materials from archaeological complexes. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2020. 268 p. (*In Russ.*)

Seregin N. N., Tishkin A. A., Matrenin S. S., Parshikova T. S. Collection of Iron Tools from the Burials of the Rouran Period of the Choburak-I Complex. In: Preservation and Study of the Cultural Heritage of the Altai Territory. Issue XXVII. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2021a. Pp. 287–295. (*In Russ.*)

Seregin N. N., Tishkin A. A., Matrenin S. S., Parshikova T. S. A Spinning Wheel from the Necropolis of the Rouran Period of the Choburak-I Complex (Northern Altai). *Narody i religii Evrazii = Peoples and Religions of Eurasia*. 2021;2:69–80. (*In Russ.*)

Soenov V. I. Disturbed Military Burial at the Verkh-Uimon Burial Ground. In: Antiquities of Siberia and Central Asia. No. 8. Gorno-Altaysk : GAGU, 2017. Pp. 117–142. (*In Russ.*)

Soenov V. I., Konstantinova E. A. Woodworking Tools from the Verkh-Uimon Burial Ground (Altai). *Teorija i praktika arheologicheskikh issledovanij = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2013;2:42–57. (*In Russ.*)

Soenov V. I., Konstantinova E. A. Iron Chisels of the Hunno-Sarmatian Time from the Verkh-Uimon Burial Ground (Altai). *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Tyumen State University*. 2014;2:13–18. (*In Russ.*)

Soenov V. I., Konstantinova E. A. Handicraft Industries of the Altai Population (the 2nd century BC — 5th century AD). Gorno-Altaysk : GAGU, 2015. 248 p. (*In Russ.*)

Soenov V. I., Ebel A. V. Mounds of the Hunno-Sarmatian Era on the Upper Katun. Gorno-Altaysk : GAGPI, 1992. 116 p. (*In Russ.*)

Soenov V. I., Ebel A. V. Research at the Kuraika Burial Ground. In: *Antiquities of Altai. News of the Laboratory of Archaeology. Gorno-Altaysk : GAGU, 1998. No. 3. Pp. 113–135. (In Russ.)*

Surazakov A. S. Gorny Altai at the End of the 1st Millennium BC — the first half of the 1st Millennium AD. In: *History of the Altai Republic. Gorno-Altaysk, 2002. Pp. 177–184. (In Russ.)*

Teterin Yu. V. Handles of Lashes of Nomads of the Xiongnu Period of Southern Siberia. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya = Vestnik NSU. Series: History, Philology. 2016;3:87–96. (In Russ.)*

Tishkin A. A., Gorbunov V. V. A Complex of Archaeological Sites in the Valley of the Biike River (Mountain Altai). Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2005. 200 s. *(In Russ.)*

Tishkin A. A., Matrenin S. S. Labor Tools as Elements of the Life Support System of the Altai Population in the Xianbei-Zhuzhan Time (based on materials from the Stepushka-I site). In: *Modern Solutions of Topical Problems of Eurasian Archaeology. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2018. Issue. 2. Pp. 237–244. (In Russ.)*

Tishkin A. A., Matrenin S. S., Schmidt A. V. Altai in the Xianbei-Rouran Period (based on materials from the Stepushka site). Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2018. 368 p. *(In Russ.)*

Tishkin A. A., Mylnikov V. P. Woodworking in Altai in the 2nd Century BC — 5th Century AD (based on the materials of the Yaloman-II and Bosh-Tuu-I sites). Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2016. 192 p. *(In Russ.)*

Turbat C., Amartuvshin Ch., Erdenebat U. Egiin River Basin Archaeological Sites (from Bronze Age to Mongol period). Ulaanbaatar : Ulsyn bagshijn ih surguul Mongolyn tyyhijn tjenhim, 2003. 295 p. *(In Mong.)*

Troitskaya T. N. Kulay Culture in the Novosibirsk Ob Region. Novosibirsk : Nauka, 1979. 124 p. *(In Russ.)*

Xiungnu's Legacy. The First Nomadic State — the Culture of the Xiungnu Dynasty. Ulaanbaatar : ShUA-ijn Arheologijn Hurjejljen, 2011. 296 p. *(In Mong.)*

Chindina L. A. Ancient History of the Middle Ob Region in the Iron Age. Kulay Culture. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 1984. 256 p. *(In Russ.)*

Shirin Yu. V. Upper Ob and Foothills of the Kuznetsk Alatau at the Beginning of the 1st Millennium AD (burial sites of the Fominsk Culture). Novokuznetsk : Kuzneckaya krepost', 2003. 288 p. *(In Russ.)*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Серегин Николай Николаевич, доктор исторических наук, доцент кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета, г. Барнаул, Россия.

Nikolai Nikolaevich Seregin, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Archaeology, Ethnography and Museology of the Altai State University, Barnaul, Russia.

Демин Михаил Александрович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории Алтайского государственного педагогического университета, г. Барнаул, Россия.

Mikhail Alexandrovich Demin, Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of Department of Russian History, Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia.

Матренин Сергей Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии Барнаульского юридического института МВД России, г. Барнаул, Россия.
Sergey Sergeevich Matrenin, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the History and Philosophy of Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Barnaul, Russia.

*Статья поступила в редакцию 28.11.2021;
одобрена после рецензирования 14.01.2022; принята к публикации 27.01.2022.*

*The article was submitted 28.11.2021;
approved after reviewing 14.01.2022; accepted for publication 27.01.2022.*